БЫЛИ ЛИ МАЛОРУССЫ

ИСКОННЫМИ ОБИТАТЕЛЯМИ ПОЛЯНСКОЙ ЗЕМЛИ,

ИЛИ ПРИШЛИ ИЗЪ-ЗА КАРПАТЪ ВЪ XIV ВѢКѢ.

А. А. Котляревскаго,

---

66 отдѣльныхъ оттисковъ.

(изъ «Основы» 1862 года № 10-й).

Въ Чертковскую библіотеку
отъ АКотл.

ПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

Одобрено цензурою, С.-Петербургъ, 3 ноября 1862 года.

ТИПОГРАФІЯ И. ТИБЛЕНА И КОМП,

БЫЛИ ЛИ МАЛОРУССЫ ИСКОННЫМИ ОБИТАТЕЛЯМИ ПОЛЯНСКОЙ ЗЕМЛИ, ИЛИ ПРИШЛИ ИЗЪ-ЗА КАРПАТЪ ВЪ XIV ВѢКѢ?

«Si liceat historiam pro sua cuique cupiditate detorquere — quid intactum manebit et integrum?»
Kopitar—Hesychii discipulus.

Эти слова покойнаго Копитара, несмотря на всю суетность ихъ по отношенію къ автору, имѣютъ полное оправданіе и въ нашей современной исторической наукѣ: стòитъ только вспомнить, какъ г. Соловьевъ, положивъ въ основу своей исторической системы идею о государственномъ нарядѣ, засудилъ все козачество, видя въ немъ только броженіе противугосударственнаго элемента; какъ г. Погодинъ, въ древней русской исторіи норманнскаго періода, искалъ оправданія и поддержки своимъ политическимъ идеямъ, навѣяннымъ событіями послѣдней войны, и, по этому поводу, создалъ теорію, по которой истинною *столицею русской исторіи*, въ первыя 200 лѣтъ по основаніи государства, является ***Константинополь***; о мнѣніяхъ нѣкоторыхъ польскихъ публицистовъ и историковъ—и говорить нечего: они хорошо извѣстны читателямъ «Основы»... Но добро бы политическія и религіозныя убѣжденія, всегда имѣющія живой страстный характеръ, добро бы они одни приводили историковъ къ неумышленному искаженію истины; нѣтъ:—наклонность вымучивать у исторіи желанные отвѣты встрѣчается часто тамъ, гдѣ нѣтъ пищи ни пристрастію, ни антипатіи,—въ такихъ мирныхъ уголкахъ науки, какъ напр. вопросъ о древнемъ отечествѣ южнорусскаго племени. Только увлеченіемъ собственною мыслію историка можно объяснить такое явленіе; но излишняя любовь къ собственной мысли, какъ она ни дорога у историка, для исторической истины вещь не безопасная, такъ-какъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ ея бываетъ ложное пониманіе дѣла. Это, дѣйствительно, мы и находимъ въ вопросѣ о древнѣйшемъ отечествѣ Малоруссовъ.

Общее мнѣніе объ этомъ предметѣ таково, что малоруссы суть исконные—мы разумѣемъ это слово въ чисто-историческомъ его значеніи—обитатели днѣпровскаго бассейна; но существуетъ и иное мнѣніе, по которому они являются довольно поздними колонистами этого края. Никто яснѣе и рѣзче г. Погодина не выразилъ этого мнѣнія; мы и обратимся только къ нему одному и разберемъ подробно его историческія доказательства.

Въ своей «запискѣ о русскомъ языкѣ» помѣщенной въ «извѣстіяхъ Академіи наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности» г. Погодинъ, путемъ чистыхъ логическихъ заключеній, пришелъ къ выводамъ, совершенно новымъ въ исторической наукѣ;—вотъ главнѣйшіе изъ нихъ:

1–ое. Наши южныя лѣтописи писаны на такъ-называемомъ языкѣ церковно–славянскомъ и, такъ-какъ они не заключаютъ въ себѣ ничего непонятнаго для русскаго, то должно признать, что *церковно-славянскій и русскій языки въ-сущности одинъ и тотъ же языкъ*.

2–ое. Въ языкѣ южныхъ нашихъ лѣтописей нигдѣ не видно присутствія малорусскаго элемента: если бы онъ былъ, то многое въ нихъ было бы непонятно великоруссу, потому что не могли лѣтописцы писать совершенно чистымъ церковно–славянскимъ языкомъ: они, хоть ненарокомъ, должны были обмолвиться и сдѣлать уступки въ пользу роднаго нарѣчія; такихъ уступокъ нигдѣ не замѣтно въ лѣтописяхъ: въ нихъ все не только понятно великоруссу, но и принадлежитъ ему, какъ его кровная собственность; потому должно признать, *что южныя лѣтописи* (а равно и другія произведенія южно–русской письменности до татарскаго періода) *писаны великоруссами*.

3–е. Изъ предыдущихъ положеній уже нѣкоторымъ образомъ слѣдуетъ, что и *обитателями южной Руси въ кіевскій періодъ — должны были быть великоруссы*... Это находитъ рѣшительное подтвержденіе a) въ тѣхъ характерахъ (типахъ), какіе намъ рисуютъ лѣтописи и другіе памятники письменности той эпохи: всѣ эти характеры не имѣютъ въ себѣ ничего малорусскаго, а — напротивъ все— великорусское; b) въ полномъ отсутствіи у малоруссовъ кіевскаго богатырскаго эпоса и поэтическихъ преданій о кн. Владимірѣ—красномъ солнышкѣ: и то и другое есть *исключительное* достояніе великоруссовъ.

4–ое. Если великоруссы были древнѣйшими обитателями полян-

ской земли, то гдѣ же были въ то время малоруссы, откуда, когда и по какому поводу пришли они въ нынѣшнее свое отечество? *Татарскій погромъ оттѣснилъ великоруссовъ съ юга на сѣверъ; пустыя и брошенныя ими земли, по прекращеніи татарскихъ ужасовъ—были заняты малоруссами, которые выселились туда изъ-за Карпатъ—своей прародины. Случилось это въ XIV вѣкѣ.* Положеніе это находитъ оправданіе и въ языкѣ памятниковъ письменности, гдѣ *только* съ XIV вѣка появляются, по мнѣнію г. Срезневскаго, а за нимъ и г. Лавровскаго, настоящіе признаки малорусскаго языка, до того времени нигдѣ и ничѣмъ себя не обнаружившіе.

Вотъ главныя положенія г. Погодина. Въ настоящую минуту мы не имѣемъ подъ руками его «Записки», а потому и не могли придерживаться его собственныхъ словъ; мы изложили только его мысли и, кажется, не опустили ничего существеннаго, не исказили ихъ лишнею прибавкою чего-либо посторонняго.

Вся система имѣетъ видъ стройной логической постройки—и съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ полнаго вниманія, но, къ-счастію или сожалѣнію, для исторической истины недостаточно однихъ логическихъ основаній: нужны достовѣрныя данныя и правильное ихъ пониманіе. Съ этой стороны мы и хотимъ взглянуть на систему г. Погодина. О логической постройкѣ собственно и говорить нечего:—если въ основаніи лежитъ ложная мысль, то, само-собою разумѣется, и дальнѣйшія посылки и заключеніе—также будутъ ложныя.

На первомъ пунктѣ—о тожествѣ церковно-славянскаго языка съ русскимъ—мы не остановимся долго: есть вопросы въ наукѣ, которые рѣшаются однажды навсегда; послѣдующіе успѣхи въ наукѣ, каковы бы они ни были—могутъ расширить это рѣшеніе, уяснить его частностями и подробностями, но не измѣнить его въ основѣ;—потому, порѣшивъ разъ, уже никто болѣе не возвращается къ такимъ вопросамъ. Таковъ, по нашему понятію, и вопросъ объ этнографическомъ, если можно такъ выразиться, различіи языка церковно-славянскаго отъ русскаго. Въ славянской лингвистикѣ—это давно признанный фактъ, стоящій внѣ всякихъ сомнѣній; но если не важно опроверженіе основной мысли г. Погодина, то въ настоящемъ случаѣ для насъ очень важна *причина* этой мысли,—то́, почему онъ пришелъ къ ней... Не на строгомъ сравнительно-историческомъ разборѣ звуковъ и грамматическихъ формъ обоихъ языковъ—основалъ онъ

свое мнѣніе, а на простомъ явленіи, что въ южныхъ лѣтописяхъ нашихъ, писанныхъ, по его мнѣнію, на языкѣ церковно-славянскомъ — нѣтъ ничего непонятнаго для русскаго. Очевидно, что здѣсь опущена изъ виду древнѣйшая близость всѣхъ славянскихъ нарѣчій вообще, и еще большая близость юговосточной вѣтви этихъ нарѣчій: и въ древнѣйшихъ юго-славянскихъ рукописяхъ глаґольскаго и кирилловскаго изводовъ также нѣтъ ничего особенно непонятнаго для русскаго (а тѣмъ болѣе для русскаго *ученаго*, знакомаго съ древнимъ языкомъ ex ipso fonte), но кто скажетъ, что всѣ эти памятники писаны на языкѣ русскомъ? Отсюда видно, что не только мысль г. Погодина, но прежде всего самое ея *основаніе* несправедливо и несостоятельно въ ученомъ отношеніи, потому что *совершенно оставлена безъ вниманія историческая сторона вопроса*. Тотъ же роковой недостатокъ находимъ мы и во *второмъ* положеніи г. Погодина. Говоря о томъ, что въ языкѣ южныхъ лѣтописей нѣтъ до XIV в. присутствія малорусскаго элемента, онъ отправляется отъ современнаго южнорусскаго языка, какъ будто эта позднѣйшая форма южнорусской рѣчи есть та идеальная мѣра, по которой можно мѣрить все историческое развитіе языка! Это все равно, если бы кто сказалъ, что въ языкѣ новгородскихъ лѣтописей не видно присутствія русскаго элемента, потому что современный русскій языкъ далеко не похожъ на лѣтописный новгородскій!—Потому и попытка г. Погодина доказать это положеніе выборкой словъ и выраженій изъ лѣтописей не имѣла успѣха: «Филологическія Письма» г. Максимовича ясно показали, что эти выраженія на столько же русскія, на сколько и малороссійскія, а вслѣдъ затѣмъ и г. Лавровскій прямо объявилъ, что со стороны лексической этотъ вопросъ и рѣшать нельзя. Значитъ, и въ этомъ случаѣ—г. Погодинъ примѣнялъ современное къ старинѣ и тѣмъ отступилъ отъ основнаго закона историческаго изслѣдованія, запрещающаго мѣрить старину аршиномъ новѣйшаго издѣлья. Такъ, какъ г. Погодинъ не входитъ въ сравнительно историческій разборъ звуковъ и грамматическихъ формъ южнорусскаго языка, то и мы оставимъ, до поры до времени, вопросъ о присутствіи малорусскаго элемента въ русской рѣчи до XIV в. Вопросъ этотъ требуетъ особой ученой осторожности—и можетъ быть рѣшенъ только послѣ тщательнаго изслѣдованія памятниковъ древней южнорусской письменности (*). Вотъ

(*) Мы скрѣпляемъ наше мнѣніе судомъ такого знатока этого дѣла, какъ О. М. Бодянскій. См. его примѣч. къ сочин. Лавровскаго: «Описаніе семи рукописей...»

почему и изслѣдованія г. Лавровскаго. (Журн. М. Н. Пр. 1859 и «Основа» 1861 іюль) предпринятыя въ томъ же духѣ отрицанія малорусскаго элемента въ русской рѣчи до XIV в.—не могли убѣдить насъ; но какъ бы то ни было, допустивъ даже, что малорусскаго элемента дѣйствительно не видно въ южнорусской письменности до татарскаго періода—даетъ ли намъ это одно поводъ и право утверждать вмѣстѣ съ г. Погодинымъ, что и малорусское племя пришло въ полянскую землю изъ-за Карпатъ только послѣ татарскаго погрома?—Мы думаемъ—никоимъ образомъ!

Посмотримъ сперва на его *третье* положеніе: «великоруссы являются коренными обитателями полянской земли, потому что лѣтописные характеры—всѣ чисто великорусскіе.» Здѣсь опять у г. Погодина виденъ *не*-историческій пріемъ: задавать старинѣ вопросы и требованія, почерпнутыя изъ современности. Характеръ народа не есть нѣчто неподвижное, однажды навсегда данное или прирожденное: онъ есть результатъ многихъ историческихъ и природныхъ условій, вообще всего прожитаго. Если бы характеръ народа былъ неподвиженъ и какъ бы предопредѣленъ, не могло бы существовать никакой разницы не только между великоруссомъ и малоруссомъ, но даже между нѣмцомъ и русскимъ, между французомъ и индусомъ, потому, что всѣ они принадлежатъ къ индоевропейскому племени и вышли изъ одного источника. Мы говоримъ о вещахъ слишкомъ рудиментарныхъ; но что же дѣлать, когда и безъ нихъ иногда нельзя обойтись...

Ничто такъ сильно не вліяетъ на измѣненіе народнаго характера, какъ историческія событія и въ-особенности *народныя* историческія событія, гдѣ народъ не былъ только послушнымъ орудіемъ иной посторонней силы, но дѣйствовалъ свободно и самостоятельно, весь предавался борьбѣ, вѣнчался торжествомъ ея или позоромъ. Когда съ этой точки мы взглянемъ на сравнительную исторію великорусскаго и южнорусскаго племени, мы не только объяснимъ современное различіе въ ихъ характерахъ, но и поймемъ—почему великорусскій характеръ можетъ-быть ближе къ лѣтописному, чѣмъ современный малорусскій.

Этой бурной, тревожной жизни, этой великой вѣковой борьбѣ за свободу родины, борьбѣ безъисходной, на жизнь и смерть, среди которой совершались судьбы малорусскаго племени — что́ подобное находимъ мы у великоруссовъ? Никогда исторія у нихъ не принимала такихъ широкихъ размѣровъ, никогда она такимъ усиленнымъ шагомъ не спѣшила впередъ, какъ у малоруссовъ. Была и въ Вели-

кой-Россіи своя борьба, но борьба пассивная, борьба, въ которой человѣкъ скорѣе терялся, чѣмъ крѣпнулъ. Понятно, почему у нихъ не развилась та могучая своенравная энергія, тотъ гордый непреклонный духъ, яркіе слѣды которыхъ въ народномъ характерѣ малорусса не сокрушились еще и теперь — послѣ вѣковаго рабства. Великоруссъ имѣлъ всѣ условія, чтобы сохранить старинный характеръ, малоруссъ—напротивъ—всѣ условія, чтобъ измѣниться и—въ новой школѣ исторіи—образовать новый самобытный характеръ. Исключительно государственный характеръ великорусской исторіи (съ XV в.) не могъ сообщить народу никакой дѣятельной инициативы и своею мелкою привязанностію къ наружному обряду и казуистикѣ всегда удерживалъ и смирялъ самобытное народное стремленіе впередъ.. Прибавимъ къ этому вліяніе пространственныхъ отношеній и, вообще, внѣшнихъ условій, предрасполагающихъ къ пассивности духа.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду существенной разницы въ этнологическихъ основахъ обоихъ народностей: на сѣверѣ и востокѣ—чудскій элементъ ничего не внесъ въ великорусскую народность, никакого *своего*, новаго, оживляющаго начала: онъ видимо уступалъ предъ нею въ нравственной силѣ и потому долженъ былъ поступиться; въ пограничныхъ мѣстностяхъ образовалась временная переходная помѣсь, но въ сердцѣ великорусской народности не залегло ни одного основнаго, долговѣчнаго чудскаго зерна.. Совершенно иное встрѣчаемъ у малоруссовъ: элементъ восточныхъ азіатскихъ кочевниковъ яркою полосою проходитъ по исторіи и бытовой жизни козачества. Здѣсь онъ—уже не внѣшнее начало, но основная черта народности, черта столь же, покрайней мѣрѣ, сильная, сколь сильна и стихія славянская. Этнологія древнихъ и среднихъ вѣковъ убѣждаетъ насъ, что такое вліяніе двухъ различныхъ народностей—всегда производитъ *новую*, *самобытную* и энергическую народность....

Искать въ такой далекой старинѣ, каково время до XIV вѣка, причинъ для отрицанія или оправданія современнаго малорусскаго народнаго характера, значитъ, по нашему крайнему убѣжденію, противорѣчить историко-этнологическимъ началамъ изслѣдованія, безъ которыхъ нельзя и браться за вопросъ *о народности и народномъ характерѣ*. Итакъ, если въ настоящее время различіе—въ народныхъ характерахъ великоруссовъ и малоруссовъ—разительно и очевидно для каждаго,—оно есть результатъ различія въ историческихъ и этнографическихъ судьбахъ того и другаго племени: не будь этого послѣдняго—не суще-

ствовало бы и перваго; вотъ-почему, въ-древности, до начала государственной централизаціи у великоруссовъ и народной исторіи у малоруссовъ—разность племенныхъ характеровъ почти незамѣтна: вотъ почему въ южныхъ лѣтописяхъ нельзя видѣть собственно ни малорусскихъ, ни исключительно-великорусскихъ современныхъ характеровъ. Только отбросивъ историко-этнологическую сторону вопроса, г. Погодинъ могъ видѣть въ южныхъ лѣтописяхъ исключительно великорусскіе типы—и потому правъ былъ г. Максимовичъ, когда возражалъ, что въ тѣхъ самихъ характерахъ, на которые указывалъ г. Погодинъ—онъ не видитъ ничего немалорусскаго! Оттого у г. Погодина и вопросъ о характерахъ поставленъ чрезвычайно глухо,—скорѣе какъ дѣло личнаго вкуса и чувства, чѣмъ какъ ученое основаніе...

Кореннымъ различіемъ двухъ народныхъ исторій объясняемъ мы и то обстоятельство, что кіевскій эпосъ существуетъ исключительно у великоруссовъ (это второе доказательство г. Погодина) и совершенно не существуетъ у малоруссовъ. Мы не коснемся здѣсь вопроса о существованіи малорусскаго туземнаго (кіевскаго) эпоса въ эпоху до образованія казачества, потому что намѣрены сказать объ этомъ подъ конецъ нашихъ замѣчаній; но не можемъ не замѣтить, что если историческія обстоятельства и условія благопріятствовали сохраненію эпоса въ Великой Руси, то тѣ же историческія условія сдѣлали существованіе и продолженіе стариннаго эпоса совершенно невозможнымъ для Южной-Руси. Дѣло въ томъ, что эпосъ, какъ плодъ органическаго совокупнаго развитія народа, для своего возникновенія и дальнѣйшей жизни нуждается *въ извѣстныхъ* жизненныхъ условіяхъ, внѣ которыхъ источникъ его перемѣняетъ свое направленіе, или окончательно изсякаетъ. Эти эпическія условія жизни главнымъ образомъ заключаются въ наивности и первичной простотѣ быта, воззрѣнія на людей и на природу. Какъ скоро въ жизнь вторгается новое начало и возмущаетъ спокойный, ровный, опредѣленный вѣковѣчнымъ преданіемъ ходъ ея,—наивность и простота народнаго быта и воззрѣнія пропадаютъ, человѣкъ со страстію и увлеченіемъ отдается настоящему съ его интересомъ; съ этимъ вмѣстѣ исчезаетъ или перерождается и старинный эпосъ: онъ болѣе не согрѣваетъ народа своей теплотой; на мѣсто его выступаютъ новыя литературныя формы, и по содержанію и по взгляду болѣе соотвѣтствующія текущему времени. Такимъ рѣшительнымъ переломомъ въ народной жизни—бываютъ историческія *народныя* событія. Теперь, когда припомнимъ, какъ слабо исторія коснулась ве-

ликорусскаго племени въ сравненіи съ южнорусскимъ, мы не удивимся, что старинный эпосъ могъ уцѣлѣть въ своей первобытной свѣжести на такихъ окраинахъ, какъ земли олонецкія, Пермь, Сибирь, куда даже не доходила исторія.. У малоруссовъ—грозныя событія козацкой эпохи всколебали до дна народныя массы: народъ не былъ только зрителемъ, но и актеромъ кровавой драмы, актеромъ не поневолѣ, но по глубокому сочувствію общему дѣлу, по восторженному убѣжденію въ святости и правотѣ его. При такомъ общемъ воодушевленіи—не было недостатка въ истинномъ героизмѣ и высокихъ жертвахъ для мести за оскорбленную святыню родины... На эту новую, полную великой поэзіи, сторону исторической жизни обратилось народное поэтическое воодушевленіе: старые образы померкли, уступили мѣсто новымъ, современнымъ, для которыхъ создалась и новая поэтическая форма, извѣстная подъ именемъ *думы*.

Этимъ объясненіемъ мы, однако, еще не разрѣшаемъ вопроса: «почему именно *кіевскій* эпосъ сохранился у великоруссовъ.» При всей недостаточности и несо вершенствѣ ученой разработки русско народной поэзіи, мы не рискуемъ сдѣлать большую ошибку, если скажемъ, что для названія великорусскаго эпоса *кіевскимъ*—не существуетъ прочныхъ ученыхъ основаній: этнографія нашихъ былинъ, не смотря на то, что дѣйствіе происходитъ по большей части, «во стольномъ городѣ во Кіевѣ, у ласкова князя Володиміра,» не можетъ быть названа южнорусскою въ строгомъ смыслѣ; богатыри—почти всѣ не-кіевляне; народы, съ которыми приходится воевать имъ, чаще сосѣдники великоруссовъ, чѣмъ малоруссовъ. Этимъ обстоятельствамъ мы придаемъ значеніе на столько, на сколько нужно для подкрѣпленія нашего крайняго убѣжденія, что происхожденіе и образованіе нашего богатырскаго эпоса совершилось до племеннаго раздѣленія на велико-и мало-руссовъ; это эпосъ—русскій, но никакъ не исключительно великорусскій; корень его можетъ быть, дѣйствительно, возникъ на кіевской почвѣ—и тѣмъ самимъ *Кіевъ вошелъ въ великорусскій побѣгъ русскаго эпическаго дерева, какъ сказочная столица* еще болѣе *сказочнаго Владиміра—красна солнышка*. О немъ въ настоящее время и говорить нечего, такъ-какъ нѣтъ ни малѣйшей причины видѣть въ немъ историческаго Владиміра, и есть много причинъ принимать это лицо за позднѣйшую замѣну—древнѣйшей миѳической личности Волотомана или Волота.

Разобравъ всѣ доказательства г. Погодина, мы возвратимся къ

вышеоставленному нами вопросу: если въ южныхъ нашихъ лѣтописяхъ до XIV в. и не видно присутствія малорусскаго элемента, — даетъ ли это намъ право утверждать, вмѣстѣ съ г. Погодинымъ, что нынѣшніе Южноруссы пришли въ землю Полянъ изъ-за Карпатъ только послѣ татарскаго погрома? Послѣ всего нами сказаннаго, мы, конечно, не задумаемся отрицательнымъ отвѣтомъ; Малорусскіе элементы могли быть и не быть въ лѣтописяхъ; но южнорусское племя, непосредственные потомки котораго сохранились въ современныхъ намъ Малоруссахъ или Украинцахъ, составляло отъ древнѣйшихъ временъ и непосредственныхъ обитателей Днѣпровскаго и Бужскаго бассейновъ (*).

Мы покончили со мнѣніемъ г. Погодина, но не съ самимъ дѣломъ; нашъ разборъ до сей поры имѣлъ главнымъ образомъ—отрицательную цѣль; теперь взглянемъ на нѣкоторыя положительныя данныя, дающія нашему мнѣнію силу несомнѣннаго историческаго факта.

Не всякое историческое научное положеніе бываетъ основано на непосредственныхъ ясныхъ свидѣтельствахъ: многое принимается наукою только потому, что не существуетъ никакихъ противуположныхъ указаній; здѣсь историку предстоитъ или вовсе отказаться отъ всякаго сужденія, или послѣдовать закону логическому: отказаться отъ всякаго сужденія —значитъ отказаться отъ науки, отъ всякой попытки уяснить прошедшія судьбы человѣчества; такимъ образомъ получаетъ силу процессъ логической мысли: онъ восполняетъ для науки то, о чемъ нѣтъ, и даже не можетъ быть, помину въ историческихъ свидѣтельствахъ. Добытое такимъ путемъ положеніе не всегда можетъ имѣть значеніе непререкаемой истины, какъ потому, что зависитъ отъ чисто-логическихъ соображеній, такъ и потому, что впослѣдствіи могутъ встрѣтиться нѣкоторыя противорѣчащія свидѣтельства; тогда вопросъ принимаетъ новую форму, переизслѣдуется—и вмѣсто

(*) Г. Погодинъ опирается на изслѣдованія г. Срезневскаго, который (Мысли о. ист. рус. яз.) утверждалъ, что малорусскій элементъ является въ письменности послѣ XIV в. Но вѣдь г. Срезневскій XIV в. принимаетъ эпохою переворота во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, а не въ одномъ малорусскомъ!...

argumentum a silentio—является *историческое доказательство*. Яснѣе всего это видно на нашемъ вопросѣ о древнѣйшемъ отечествѣ южнорусскаго племени. До послѣдняго времени—наша историческая наука принимала исконную историческую туземность малорусскаго племени на русскомъ югѣ; никто не бросалъ сомнѣнія на это положеніе, потому что ничто не вызывало на это сомнѣніе: южнорусское племя живетъ теперь главнымъ образомъ по теченію Днѣпра, ни въ лѣтописяхъ, ни въ иныхъ письменныхъ источникахъ нѣтъ свидѣтельствъ, что оно пришло откуда нибудь изъ другаго мѣста уже въ историческое время; а потому, весьма естественно и законно—признать это племя за исторически-исконныхъ обитателей страны (вопросъ о переселеніи съ Дуная сюда не идетъ, такъ-какъ мы говоримъ объ эпохѣ исторической). Теперь, когда г. Погодинъ (*) признаетъ этотъ *argumentum a silentio* — недостаточнымъ и, на основаніи логическихъ соображеній, приходитъ къ совершенно иному заключенію—наука обязана взглянуть на дѣло серьезнѣе и поискать уже историческихъ доказательствъ своего положенія. Какъ логическія, такъ и историческія соображенія г. Погодина, оказались несостоятельными, но пытливость—глубже изслѣдовать вопросъ—возбуждена (и это не малая заслуга г. Погодина!) и мы попытаемся, по нашему крайнему разумѣнію, удовлетворить хотя афористически этому стремленію.

Первое доказательство исторической туземности нынѣшняго южнорусскаго племени на полянской землѣ — есть лѣтописная географическая номенклатура городовъ, урочищъ, рѣкъ, горъ и т. д. Почти вся она всецѣло сохранилась у теперешнихъ южноруссовъ: если бы они пришли изъ-за Карпатъ въ XIV в., то, нѣтъ сомнѣнія, принесли бы съ собою и новыя топографическія названія, которыя напоминали бы ихъ прежнюю родину.

Второе доказательство — народныя южнорусскія преданія: въ нихъ и Царьградъ и историческіе Татаре играютъ довольно видную роль. Таковы, напр., легенда о Кіевскихъ Золотыхъ Воротахъ или о Михалкѣ Семіліткѣ, пѣсня о службѣ южноруссовъ въ Царьградѣ (Малорусск. Сборникъ г. Мордовцова: пѣсни собранн. г. Костомаровымъ); но — что всего важнѣе—въ современномъ южно-русскомъ народѣ хранятся и такія преданія, которыя занесены въ начальную Кіевскую лѣтопись, таковы:

(*) Нѣчто подобное утверждалъ, помнится, г. Даль, съ своей статьѣ: «о нарѣчіяхъ русскаго языка» Вѣстн. Геогр. Общ. 1852. Но, къ-сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками этой статьи.

о Кириллѣ Кожемякѣ, въ которомъ изслѣдователи, не безъ основанія, видятъ отрока Владимірова, Усмошвеца, о бѣлгородской осадѣ — какъ горожане обманули Печенѣговъ (и теперь показываютъ тѣ колодцы, гдѣ, по лѣтописи, была разведена сита и кисель). Древлянскій край и теперь полонъ памятью объ Ольгѣ; рѣки и водные источники — носятъ ея имя; также названіе Кіевскихъ урочищъ (Щековица и Хоревица), рѣки Лыбеди—указываютъ на преданія начальной лѣтописи. Предположить, что все это зашло къ народу изъ письменныхъ источниковъ и послѣ XIV в. — невозможно; остается принять, что тотъ же народъ, который жилъ въ эпоху начальной лѣтописи, живетъ и нынѣ на тѣхъ же самихъ мѣстахъ, въ своихъ потомкахъ

Третье доказательство — «Слово о Полку Игоревѣ», поэтическій складъ котораго находитъ полное оправданіе въ современной народной поэзіи Малоруссовъ. Послѣ тщательныхъ изслѣдованій этого вопроса гг. Максимовичемъ (лекціи о Сл. о П. Иг., въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1837 г.) Буслаевымъ и Бодянскимъ (въ изданіи Памятн. г. Дубенскаго)—южно-русская основа памятника уже не можетъ подлежать сомнѣнію: народъ, поющій малороссійскія думы, есть потомокъ народа создавшаго «Слово о Полку Игоревѣ», такъ-какъ между этими произведеніями народной поэзіи открывается не внѣшнее, но внутреннее, этнографическое, родство и преемственность.

Четвертое доказательство—принадлежитъ уже области христіанскаго вѣрованія и легенды: мы разумѣемъ идеалы братской любви, *народныхъ* св. Бориса и Глѣба. Что до XIV в. эти идеалы были присущи благочестивому чувству южнорусскаго человѣка, это доказывается не только начальною лѣтописью, но и житіемъ ихъ, дошедшимъ къ намъ въ рукописи XII в. И что́ же? Тогда какъ въ Великой-Руси мы нигдѣ не замѣчаемъ особеннаго *народнаго* значенія этихъ святыхъ, въ Южной-Руси (въ Переяславѣ) имъ посвященъ особый *народный* праздникъ (*); здѣсь они—въ полномъ смыслѣ—*народные святые*, стоящіе въ непосредственной связи съ историческими воспоминаніями народа. Кто́ скажетъ, что этотъ праздникъ возникъ въ позднее время, установленъ церковью, а не созданъ народомъ?

Но *главное доказательство* туземности малорусскаго народа въ полянской землѣ — это опять несостоятельность самой мысли, чтобы

(*) Объ этомъ празднествѣ см. статьи М. А. Максимовича, въ «Кіевлянинѣ,» 1850 г., кн. 3.

страну, оставленную *своимъ* населенiемъ въ такое страшное время, какъ татарскiй погромъ, могло занять *чужое*. Что́ вызывало на такое невыгодное перемѣщенiе, что могло заставить выйти изъ покойныхъ и природою обезопасенныхъ жилищъ, каковы Карпаты—затѣмъ, чтобы *подвинуться* къ Татарамъ и на открытомъ мѣстѣ служить постоянною приманкою для дикихъ кочевниковъ?

Только любовь къ родному пепелищу, къ отогрѣтому мѣсту, съ которымъ соединялось много дорогихъ воспоминанiй, только эта любовь могла побудить разбѣжавшееся, при вторженiи Татаръ, населенiе—къ *возвращенiю* на прежнiя жилища. Эту привязанность къ отчизнѣ не могли искоренить даже многовѣковыя бури непосѣдной козацкой жизни: подвергаемое многочисленнымъ искушенiямъ святое чувство это только крѣпло, мужало: оно и теперь залегло основнымъ камнемъ народнаго малорусскаго характера—и оно то, главнымъ образомъ, служитъ вѣрною порукою, что нынѣшнiе Малороссiяне—прямые и достойные потомки тѣхъ *Руссичей*, къ народному чувству которыхъ обращался пѣвецъ Игоря, возбуждая *вступиться за землю Русскую и за обиду того времени!*

